

ЛЮБОВЬ МОЯ

Звучат во мне, откуда сердце дышит, в дни радостных свершений, в дни невзгод...

В них для меня — и высота, и дали, безоблачного Завтра чудеса, в них — наша сила, та, что крепче стали...

Отчина милая!.. Поля и реки, рош голоса, людских надежд родник...

Звучат во мне, откуда сердце дышит, в дни радостных свершений, в дни невзгод...

Отчина милая!.. Поля и реки, рош голоса, людских надежд родник...

СИЛА НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТРОИНА А привелет в дороге, дорога привелет в дару... Берды КЕРБАБАЕВ

В рудных наших степных рек и речушек, которые питаются потоками, свергающимися с гор после весенних и осенних дождей и гроз...

История, переосмысленная или десятилетия и сотни километров в сторону переносит свое русло ручьи и реки в глухих пустынных степях...

Меньше чем за сорок лет неузнаваемо преобразилась жизнь и весь облик родного моего Туркменистана. Пустыню пересекали новые трассы автомагистралей и железнодорожных путей...

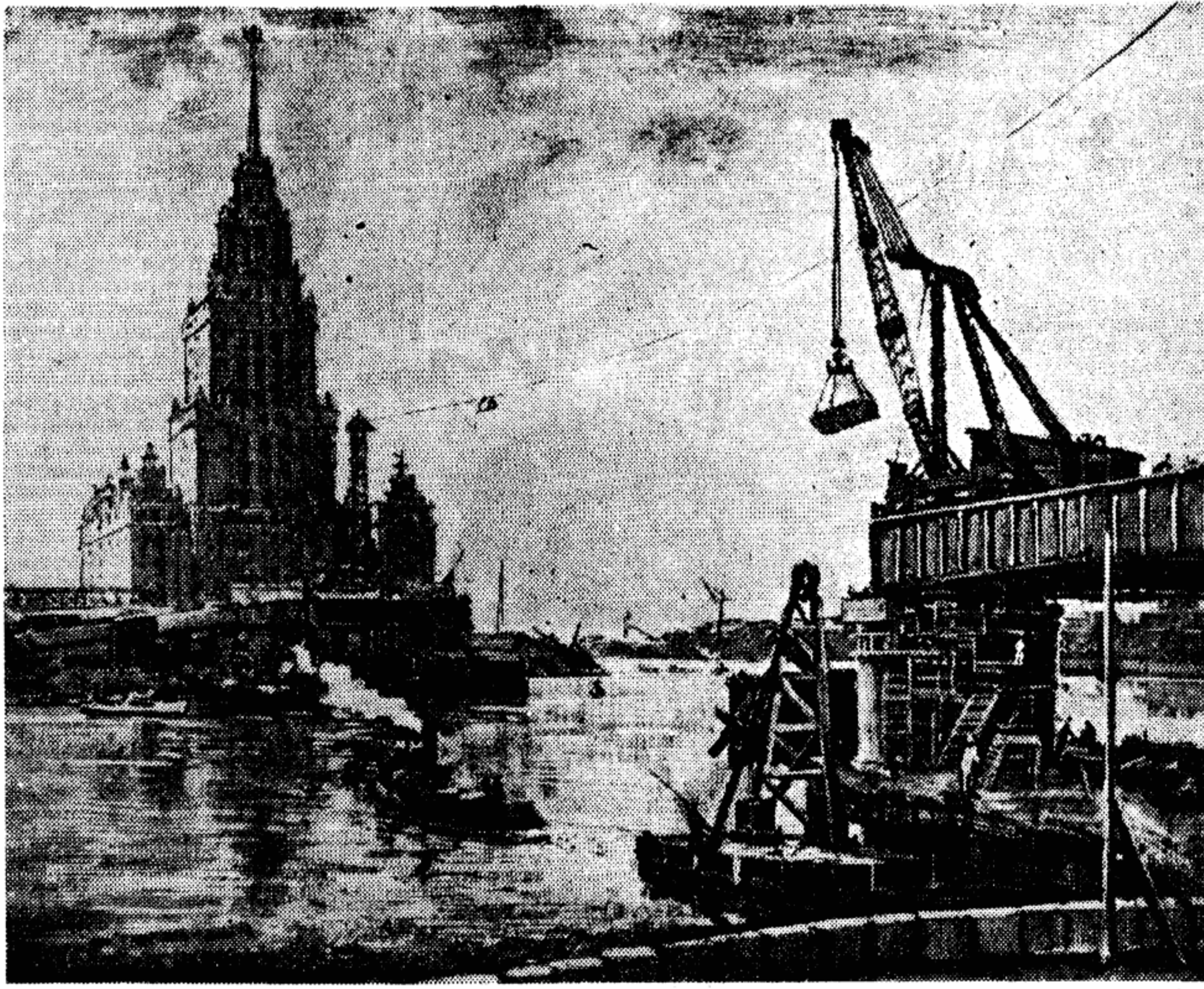
Счастье... Великие гении человечества — Маркс, Энгельс, Ленин — доказали неизбежность установления нового, справедливого общественного строя...

У К А З ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О награждении писателя Азизова Мухтара Омархановича орденом Ленина

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 117 (3773) Суббота, 28 сентября 1957 г. Цена 40 коп.

ТВОРЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ всероссийский конкурс на лучшую пьесу. В жюри конкурса корреспонденту «Литературной газеты» рассказали:

Конкурс способствовал повышению активности в области драматургии, о чем свидетельствуют хотя бы полученные нами количество пьес — 1984. Важно отметить высокую идейную направленность большинства произведений...

Борис ИЗЮМСКИЙ

Праздник московских художников

В ОТ ДВЕ цифры: 600 и 1500. Первая — число художников, представивших свои работы на выставке «Москва социалистическая»...

Такой обширный тематический показ работ художников Москвы происходит впервые. В четырех выставочных помещениях развернута экспозиция, которая дает возможность судить о сегодняшнем дне изобразительного искусства столицы.

Мы в выставочных залах Дома художника на Кузнецком. Пролетарского города посетили свои работы художники В. Зайцева, П. Родионов, О. Жукунца. Их внимание привлекли те уголки столицы, где сохранились образцы старого русского зодчества.

Среди картин, посвященных теме революции, выделяется работа художника И. Попова «Весной 1918 года». Интенсивная по цвету, крепкая по рисунку, эта работа обращает внимание свежестью своей живописной манеры...

Московские художники-графики выставили целые циклы работ, посвященных столице. А. Кокорин и С. Бом, К. Кулецов и Н. Цейлин воспроизводят жизнь города в самых различных ее аспектах...

Столь же интересна экспозиция выставки, развернутая в залах Академии художеств. «Московские рассказы» — так назвал цикл своих картин и акварелей Ю. Пименов...

На выставке «Строительство Ново-Арбатского моста» — картина И. Нада, экспонировавшая на выставке «Москва социалистическая».

СТЕПНОЙ ГОРОД

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ лет назад товарный поезд остановился в Сальских бескрайних степях. Дул горячий ветер, нес густые клубы пыли...

Вспоминаниям не было конца. Воспоминания, какую страстную запись оставил французский писатель-революционер Поль Вайян-Курюрье.

«Перед Зерноградом...» — писал он, — большие американские фермы кажутся лишь бедными родственниками. И когда мы видим Зерноград... я думаю о наших зарубежных крестьянах, прикованных к клочкам земли...

Над этим работают двести пятьдесят ученых Зернограда, тысячи рабочих мастерских, исследовательский институт, опытные лаборатории, машино-испытательная станция...

Для того, чтобы описать работу одного только Всесоюзного научно-исследовательского института механизации и электрификации совхозов, потребовалась бы серия очерков...

РОЖДЕННЫЕ ОКТЯБРЕМ

Для трудящихся Адыгейской и Карачаево-Черкесской автономных областей 1957 год является двойным праздником. Вместе со всеми советскими людьми народы этих областей празднуют 40-летие Великого Октября...

ВЕРХОВЬЯХ Кубани, в ущельях Главного Кавказского хребта, откуда до вечных ледников рукой подать, веками жил некий народ, гордый и свободлюбивый...

Среди современных поэтов Карачаево-Черкессии автором наиболее интересных стихов о Ленине и партии, стихов «интимно-лирических и сатирических, направленных против поджигателей войны»...

В 1926 году пришел в литературу один из талантливых поэтов Карачаево-Черкессии А. Уртенко; его можно назвать основоположником карачаево-черкесской поэзии. Его творчество подкупало непосредственностью, простотой и правдивостью.

В 30-е годы в области существует уже литературный альманах, печатаются повести, рассказы, пьесы, стихотворные сборники. В 1935 году Х. Алпаев опубликовал «Черный сундук», первый роман в карачаево-черкесской литературе...

Абдулах ОХТОВ

ЧЕТЫРЕ ВЕКА

Помнят горы, помнят реки, как за синим лесом, как за синим лесом, как за синим лесом, как за синим лесом...

Алим ХАНФЕНОВ

ЭЛЬБРУС

Стоит он, шапка сверкая, А солнце шлет к нему лучи, Его доспехи ледяные, Пытаюсь превратить в ручьи...

Владимир СОСЮРА

ЗАМЕТКА ПИСАТЕЛЯ

АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКИЙ

В институте механизации и электрификации сельского хозяйства здание в колоннах. На фронтоне его надпись: Северо-Кавказская машиностроительная станция...

Отрадное явление этого года: среди принятых в институт молодых людей, уже работающих на заводах в колхозах, отслуживших в армии...

Авторитет станции столь прочен, что она выступает и арбитром в спорах, — принимая или отвергая машину, давая ей путевку в жизнь, — и строгим контролером-браковщиком и борцом с теми, кто загоразживает дорогу новой технике...

Гордится Зерноград и своей селекционной станцией с ее «опытной делянкой» почти в три тысячи гектаров, со специальной библиотекой в 35.000 томов, а главное — ее неутомимыми энтузиастами...

К ОДНА-ТО окружной сельский атаман Ушаков уныло писал: «В сальских степях получают 14-пудовые урожаи ржи, никаких других урожаев здесь нет и быть не может».

ДЕНЬ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

У нас раньше много и правильно говорилось о внимании к писателям, живущим «на периферии». Но, к сожалению, не всегда результаты приводили в настоящий момент, не всегда за ними следовала большая творческая помощь. Часто получалось, что после благодарных слов, которые высказывались на пленумах, заседаниях, совещаниях, писатели, работающие в областях и краях, оставались как бы в тени, и создавалось впечатление, что все они — безликая масса. Название «областной писатель» создавало определенное отношение, далеко не всегда объективное.

Конечно, было много справедливого в тех разговорах, что «на периферии» медленно, трудно растут писатели. Они росли медленнее, чем хотелось бы, но надо разбираться в некоторых немаловажных причинах этого явления.

Для многих серьезных, давно работающих писателей, живущих в том или ином областном городе, создавалось такое положение, что они вынуждены были ориентироваться лишь на печатные органы, имеющиеся у них. Получалось так: старайся — не старайся, все равно в центральный журнал не попадешь. Люди начинали понимать требования к себе.

Но является ли это органическим пороком нашей литературы?

Нет. Это результат того неформального положения, когда писатели, живущие в областях, были на отшибе. Большое дело выполняла комиссия Союза писателей по русской литературе, но она не имела достаточных прав и возможностей и могла говорить благодарные слова и возмущаться, но толку от этого было немного.

Теперь, с созданием Союза писателей Российской Федерации, мы уверены: с таким положением будет покончено. Нельзя не приветствовать стремление Оргкомитета будущего союза всячески приблизить свою организационную и творческую работу к местным писательским организациям.

Это доброе начало всегласно приветствуется. Это ведь стили руководства в новом союзе будет новым, что все внимание будет направлено на рост и воспитание творческих сил на местах. Вместе с председателем Оргкомитета Л. С. Соболевым все мы также мечтаем о том, что, кроме издаваемых ныне областных и межобластных журналов и альманахов, в распоряжение Союза писателей РСФСР будут переданы и некоторые из центральных журналов; что будет литературная газета Союза писателей РСФСР.

Конечно, не нужно думать, будто теперь сразу же литература, живущая на периферии, станет хорошими писателями. Но сейчас писатели, живущие в столице и в других городах, должны почувствовать свою прямую ответственность за судьбу русской литературы. Когда наши товарищи это почувствуют, тогда и требования будут настоящие ко всем писателям, где бы они жили — в Москве, Сталине, Грозном, Кирове и т. д.

Я считаю, что писатели, живущие в Москве, неправильно делают, когда искусственно отгораживаются от писателей, живущих в других городах.

Взяв даже такой альманах, как «Литературная Москва». Мне кажется, что в чисто московском виде вряд ли он имеет право на существование. Во всяком случае, должен издаваться общероссийский альманах, скажем, под названием «Литературная Россия» где было бы собрано все лучшее, что есть в стране.

Возьмем сборник «День поэзии». Никогда в истории русской литературы не было, чтобы писатели, живущие в одних городах, так резко отгораживались от писателей, живущих в других городах. И очень странно, что в прошлом году вышел сборник «День поэзии», в котором печатаются только московские поэты. День поэзии проводится по всей стране, и поэтому можно и должно было собрать все, что есть хорошего во всей нашей поэзии, и опубликовать в этом сборнике.

Это трудно, конечно, но сборник выходит один раз в год, и я думаю, что можно было бы с большим успехом его подготовить именно таким. Москвичи должны понимать, что Москва — это не просто крупный город. Москва — сердце России, и москвичи морально не имеют права изолировать себя от писателей живущих в других краях и областях.

Создание Оргкомитета Союза писателей РСФСР особо подчеркивает сегодня, насколько не правы были наши московские поэты, составляя сборники «День поэзии». Слов нет, инициатива проведения Дня поэзии, подвигнутая во многих городах Союза, — дело очень ценное. Но как можно было даже не подумать о том, чтобы пригласить к участию в этом сборнике товарищей из других областей?

Особенно важно это сделать теперь, в дни подготовки к сорочалетию Октября. Нужно больше тиражом издавать книгу «День русской поэзии». Нужно по всей стране провести этот день. На мой взгляд, это должен взять на себя Оргкомитет Союза писателей РСФСР.

В информационном бюллетене «Московский литератор» № 15 от 19 сентября помещена статья поэта Л. Ошанина о работе московской секции поэтов. Судя по этой статье, День поэзии продолжает рассматриваться москвичами как их особое, «московское» дело.

Правда, Л. Ошанин замечает, что «до сих пор ни в Секретариате, ни в аппарате Правления не было специального центра, который занимался бы поэзией, и в частности русской поэзией», и возлагает в этом отношении надежду на Оргкомитет Союза писателей РСФСР. Однако говорить это лишь для того, чтобы отметить, как, дескать, трудно было московской секции: «невольно бюро Московской поэтической секции приходилось участвовать в создании многих коллективных книг русской поэзии».

«Невольное». «Приходилось». Да, работать надо этому товарищу московские поэты, работать — и горевать, что мало вы сделали для своих «периферийных» собратьев по перу! Может быть, и не входит это в обязанности Московского бюро, которое, как уныло пишет Л. Ошанин, «должно было выделить»... «по просьбе Советского писателя»... Но помощь, дружеская поддержка и даже (да, да!) творческое соревнование с поэтами других городов — можно ли об этом забывать!

В этом же номере «Московского литератора» сообщается о том, что редколлегия сборника «День поэзии» уже создана. Конечно, редколлегия задумана и осуществляется как сборник москвичей, в редколлегии его входят лишь московские поэты. Но, может быть, руководство Союза писателей СССР поймет, наконец, что День поэзии должен быть днем всех поэтов нашей страны?..

Н. РЫЛЕНКОВ
СМОЛЕНСК

В ОБСТАНОВКЕ ЕДИНОДУШИЯ

КАК УЖЕ сообщалось, 25 сентября в Москве состоялось Первым пленум Оргкомитета Союза писателей РСФСР. Сегодня мы публикуем отчет о его работе.

Заседание открылось вступительным словом Л. Соболева, который охарактеризовал основные задачи, стоящие перед Оргкомитетом.

Образование Союза писателей РСФСР — дело не только наше, литературное, — заявил докладчик. — Это важное общественное, государственное дело.

Нам представляются очень большие права и возможности действия. Во-первых, мы вместе с тем партией возлагаем на нас и весьма серьезную ответственность. Поэтому каждое наше решение должно быть введено, проверено, обдумано, тем более, что не так уж давно происходили в нашей литературной жизни те нездоровые явления, анализ которых дан в выступлении Н. С. Хрущева. Не следует думать, что теперь, когда мы приступаем к организации нашего нового союза, страсти улеглись, и в громадном коллективе наступила тишина. К сожалению, это не так. Нам нельзя ослаблять борьбу с попытками ревизионизма ленинского принципа партийности советской литературы и борьбы с неверными тенденциями, мешающими ее развитию.

Таким образом, главным содержанием идейной и воспитательной работы во всех звеньях нашего союза должно быть утверждение партийной сущности нашей советской литературы и всего, что вытекает из этого положения. Союз писателей должен бороться как против тенденций одностороннего и неправомерно осветившего нашей действительности, так и против слепых, лакированных произведений, оскорбляющих чувства нашего народа. Для идейной работы у нас громадный простор. Над идет множество живых, интересных вопросов — и об отношении к новому, на наших глазах возникающему процессам жизни, и о множестве проблем человеческих взаимоотношений в нашем обществе, и о заботом остром оружии литературы — публицистике.

Я убежден, что наиболее эффективным методом идейного влияния будет личная связь руководства Оргкомитета и союза с писателями.

Далее докладчик остановился на вопросах приближения писателей к жизни народа и его трудовой деятельности и роста писательских сил, особенно молодых. Л. Соболев подробно осветил одну из самых важных и труднейших задач Оргкомитета, а впоследствии Союза писателей — поиск новых литературных талантов, включение их в писательский коллектив и воспитание как идейное, так и профессиональное.

Выполнение этой задачи, — подчеркнул он, — должно стать содержанием работы решительно всех наших организационных звеньев, более того, делом чести каждого писателя.

Докладчик вынес на обсуждение пленума вопросы развития национальных литератур и говорил о том, насколько важно открыть русскому читателю богатство этих литератур, как необходимо мобилизовать для этого все средства — переводы, обзоры, личную связь русских поэтов и прозаиков с национальными писателями Федерации.

Л. Соболев предложил включить в круг задач, стоящих перед Оргкомитетом, и заботу о литературе для детей и юношества, призванной формировать сознание молодого поколения.

В заключение председатель Оргкомитета ознакомил пленум с мероприятиями, которые предстоят Дружеский шарж И. ИГНА

воспитанием литературной молодежи, поиском новых талантов, помощью литераторам, живущим в городах, где нет писательских организаций. И в этой связи Ленинградских писателей, о котором рассказал на пленуме Д. Гранин. Ленинградцы решили оказать творческую помощь литераторам Новгородской, Псковской областей. Уже первое совещание людей, занимающихся литературой, проведенное в Новгороде, показало, какую пользу может принести такой дружеский профессиональный разговор, в котором приняли участие более 60 литераторов Новгорода.

Ленинградские писатели работают над историей фабрик и заводов. Известно, что это издание, начатое по инициативе А. М. Горького, было забыто. Сейчас в Ленинграде создана инициативная группа писателей, которая начала восстанавливать эту работу. Большая политическая и общественная важности.

Работе с молодыми творческими силами предстоит свое выступление С. Смирнов, который рассказал, как собравшись о прошедшем недавнем совещании писателей-сибиряков.

По мнению В. Святкина, работа с молодежью должна вестись в первую очередь на производственной базе редакций газет и журналов.

Он привел в пример опыт редактора журнала «Октябрь» Ф. Панферова, который с любовью и большим вниманием относится к молодому авторскому активу. О воспитании литературной молодежи и в связи с этим о недостатках в работе Литературного института имени А. М. Горького с тревогой говорили А. Таврич (Чувашия) и Г. Баширов (Татария).

Обсуждая вопросы развития национальных литератур РСФСР, участники пленума выдвинули предложение проводить смотры литературы областей и республик Российской Федерации не только в Москве, но и в Сибири, Поволжье, а также в крупных городах Федерации. Говоря о пропаганде национальных литератур среди русских читателей, И. Воронин (Мордовия) предложил организовать в Москве магазин, торгующий книгами писателей из автономных республик.

На пленуме был поднят вопрос о роли журналов, выходящих в РСФСР. В частности, С. Бабаевский (Ставропольский край) поставил свое выступление журналом «Сибирские огни», «Нева», «Дон», «Подъем», которые, по мнению оратора, должны стать органами Оргкомитета Союза писателей РСФСР. Предложение С. Бабаевского поддержал А. Тишомон (Нарьянская АССР). Многие выступавшие говорили о большой нужде в журналах для детей. Н. Попова (Урал) выдвинула идею создать в наиболее крупных областных издательствах редакции детской литературы.

В заключительном слове Л. Соболев выразил глубокое удовлетворение по поводу того единодушия и заинтересованности, которые проявили участники пленума в обсуждении предстоящей деятельности Оргкомитета, а затем и Союза писателей РСФСР.

Значительное место в прениях заняли вопросы, связанные с

Испытанным моряк
Корабль наш развернул
На курс упорных
творческих исканий.

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не
захлестнула
Деятельный
речь и в расклевании
А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Л. СОБОЛЕВУ
Мечтаем — чтоб его не захлестнула Деятельный речь и в расклевании А. РАВЕНСКИИ

Ярослав СМЕЛЯКОВ

В АЛМА-АТИНСКОМ САДУ

Вот в этот сад зеленящийся, что мягким солнцем освещен, когда-то —

вернется не сразу — был вход казакам воспрещен.

Я с тяжелой болью представляю, как вдоль ограды городской они, свои глаза сужая, шли молчаливо, стороной.

На черной жести объявлены торчали возле входа в сад. Но в этом давнем уныньи и в чуть-чуть не виноват.

...Словно золотую дымку, как братья — равные во всем, —

с казакским юношей в обнимку по саду этому идём.

Мы дружим вовсе не для виду, взаимной нежности полны. Нет у него ко мне обиды, а у меня пред ним — вины.

Без лести и без синкожденья — они претят душе моей — мы с ним друзья по уваженью, по убежденности своей.

А это ведь не так-то мало. Недаром, не жалея сил, нас власть советская сбрала, Ильч навечно подружила.

Надо решительно покончить с ведомственной разобщенностью, подчинить зерновому областному центру, а не держать его на положении приваеса к Мечетинскому району.

И еще одно. Совершенно недостаточное внимание уделяется в Зернограде культурно-бытовому обслуживанию населения. А ведь оно выросло за послевоенные годы в пять раз. Разве это дело, что в городе нет кинотеатра, а лишь подобие его, что во многие дома до сих пор воду привозят бочками, что жители зачастую вынуждены ехать в станцию Мечетинскую, чтобы там купить себе в магазине необходимую вещь? Жители города еще в 1949 году заложили парк на 26 гектарах. Деревья выросли, а парка... нет. Есть какая-то дынная беспризорная чаща.

Выстроили и стадион, и танцевальную площадку. Но они запущены. Объяснение этому запущенности смешотворное: «Некому передать объекты».

Даже в мелочах чувствуется, что Зерноград ходит в палашках. Областной отдел «Союзпечати» выделил годично для индивидуальной подписки... два экземпляра журнала «Юность», 64 экземпляра «Литературной газеты»... А потребность в журналах, газетах, книгах огромна.

Все эти недостатки — «издержки роста». Они не могут заставить главное: молодой город в степи отдаст все свои силы тому, чтобы из комбайновых бункеров реки текло зерно, чтобы земля приносила щедрые дары. Город — в труде, создании — радости идет навстречу 40-й годовщине Великого Октября, рожденный и поднятый им к жизни.

ЗЕРНОВОЙ,
Ростовская область.

СТЕПНОЙ ГОРОД

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

И друг над другом. И, как ответ надежды, занималась над степью арка, общая иную жизнь.

Как непохож Зерноград на такой заброшенный в пустыни степи городок!

Нынче это творческая лаборатория, смелая экспериментальная база, кузница кадров, готовящая человека для работы в степи.

В нем — две школы-десятилетки и школа рабочей молодежи, библиотеки. Он скоро получит электроэнергию Веселовской ГЭС и га.

Н О Я БЫ ПОСТУПИЛ против совести, не сказал и о том, что мешает росту Зернограда, что огорчает, а временами вызывает и решительный протест.

За шесть лет с момента опубликования Указа Президиума Верховного Совета РСФСР о переименовании поселка в город здесь на каждую душу населения истроено на жилищное строительство по 10.000 рублей. Это ли не поразительный пример заботы нашего государства о человеке. На будущий год запланировано строить на 13 миллионов.

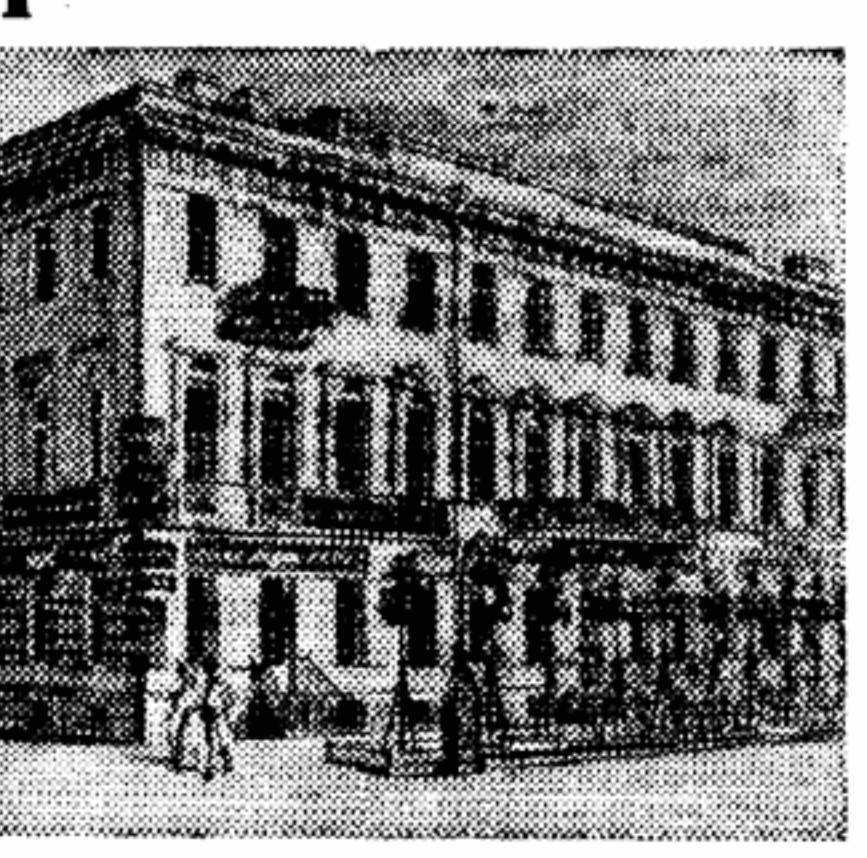
Строят много, но как-то кустарно, не забывая о городе в целом. Исследовательский институт проводит водопровод в «свой квартал», учебный институт строит «баню себе», машиностроительная станция — «дома себе». И у каждого из этих строителей — мизерная механизация, размысленное средств, затруднения с рабочей силой. А если бы объединить и тридцать миллионов рублей, и «кармию красную», и рабочую силу, все пошло бы быстрее, разумнее, плановее.

«Литературная газета» уже писала о том, что в Зернограде слишком много хозяй. А нужен один и полноценный — городской Совет.

Сейчас, когда партия и правительство делают так много для

Издатель-просветитель

Имя Александра Филипповича Смирдина осталось не только в истории издательского дела в России; оно осталось в истории нашей литературы. Мы богаты славными именами издатель-просветителей. На урвенье «Зерноградской литературы» еще в XVIII веке прославился имя Н. И. Новикова, связанное с именем целой плеяды передовых писателей того времени. Как многотрапезный Новиков до сих пор служит свидетельством необходимости и значительности книги, выпущенной в XVIII веке, так имя А. Ф. Смирдина на книгах, выпущенных в первой половине XIX века, является своего рода паспортом книги: Смирдин выпускал только лучшее.

В пору, когда занятие литературой считалось неким дилетантизмом, когда писательский труд ничтожно оплачивался, Смирдин с великодушным размахом, с глубоким уважением к писательскому слову, с верой в истинное назначение книги предпринял выпуск целой библиотеки писателей, лучших русских писателей маленькими, отлично напечатанными томиками, доступными даже скромнейшему из скромных читателей.

Смирдин выполнял большую просветительную роль, его имя среди писателей-современников было до чрезвычайности популярно, на новеллы к нему пришли и Пушкин, и Крылов, и Жуковский, и Вяземский, и, конечно, задржавшая наша была поднята не только по случаю какого-либо события — переизда Кижинской лавки Смирдина в новое помещение, — а и по случаю торжества русской книги, ее растущего влияния, ее широкого движения в народ...

О Смирдине без преувеличения можно сказать, что он открыл дорогу книге в ту пору, когда книга была достоянием немногих, и открыл по-демократически широко, больше всего думая о просветительном назначении книги, о сиянии имен лучших русских писателей, и менее всего о том, выгодно ли это или невыгодно это как издателя. Многие было не только не возражали, если учесть спрос на книгу в то время, а, может быть, даже и разорительно, но расчет всегда уступал дорогу делу просвещения, и писатели во главе с Пушкиным и Белинским держали Смирдина уважением и признанием его заслуг.

Мы помним имя Смирдина в пору, когда книги в нашей стране выходили миллионными тиражами, когда книга стала необходимым достоянием огромного большинства советских людей. В этом огромном признании книги есть крупная и трудная задача — 30—40-х годов прошлого века, начинавшего великое дело в темноту и безгласности обращаем взор в сторону этого малообразованного, но посвятившего всю свою жизнь книге талантливого русского издателя, друга ряда лучших писателей своего времени.

Именно таланту издателя обязаны люди того поколения, к которому принадлежал я, что учили уроком первой русской революции по коллективному брошюрану издания «Донской речи» Парамозова и что черпали уроки просвещения из книг, издаваемых Ф. Ф. Павленковым. Смирдин начал раньше них, и, может быть, размах одного из первых русских издателей и его вера в великое назначение литературы служили и для них образцом и примером. Смирдин видел перед собой не узкий круг читателей, а читающую Россию, и, отмечая сегодня 100-летие со дня его смерти, именно читающая Россия помнит с признательностью имя А. Ф. Смирдина, издателя-просветителя.

Вл. ЛИДИН
На снимке: Библиотека для чтения А. Ф. Смирдина.

Михаил ШОЛОХОВ

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

ВЫСОКИЕ перистые облака. Степной простор. По дороге движутся две фигуры: широко шагает сутуловатый мужчина в ватнике, справа от него, держась за полу ватника, семенил мальчик лет пяти-шести.

После этих кадров на экране появляется надпись: «Судьба человека».

Валитая поднебесная осенним солнцем вернедонская степь. Конец апреля или начало мая. Синие тени в лугах и балках.

Широкая гладь Дона, разлившегося и затопившего пойму. Из воды торчат заросли краснотала, трещащие листьями на легком ветре дерзкая ольха. По полю в воде стоит цветущая дикая яблоня. Вода тянет за собою ее ветви, срывает бело-розовые лепестки, они плывут.

Над цветами яблони пчелы. Слышно их гуденье. Вместе с лепестками вода уносит пчел. В блеклой синеве неба величаво проплывают белые грудастые облака. Снова мутные бурные воды. Выют вороники. Исчезают, опять появляются ниже по течению. Вода плещется о ствол крижистого дуба, мочуе раскиснувшего под солнцем свой ветви.

Тянется полоса прибрежного песка.

Голос рассказчика (Андрея Соколова): — И за что меня жизнь так покалечила? За что так искалонила?

На поваленном плетне сидит, опустив голову, Андрей Соколов. Он в небрежно и грубо заштопанном, в нескольких местах прожженным ватнике; в почти новых солдатских ботинках; в выношенных защитных летних штанах. Рядом с ним солдатский вещевой мешок.

На песке видна его тень и тень другого человека, к которому обращается Соколов:

— Пришло мне, браток, клануть горюшка по ногзри и выше. — Он положил на колени большие темные руки, сгорелый. Поднял глаза. Они словно присыпаны перлом, наполнены такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть...

Он выламывает из плетня, на котором сидит, сухую искривленную хворостинку, молча водит ею по песку, вычерчивая какие-то замысловатые фигуры.

Соколов достает из кармана штанов свернутый в трубку мажорный шелковый потертый кисет, разворачивает его:

— Давай на моего гречкача закурим.

На кисете вышиты в углоке надписи. «Дорогому боицу от ученицы 6-го класса Лебединской средней школы».

Соколов озабоченно оглядывается в двух-трех шагах в песке играет мальчик лет пяти-шести.

Мальчик одет просто, но добротно — на нем ладно сидит подбитая легкой, поношенной цигейкой длиннополой курточка, удобные сапожки.

— Ванюшка! Мальчик подходит. Соколов берет его за руку: — Э-а! Что это у тебя рука такая холодная? На дворе теплыня, а ты замерзаешь?

Ванюшка принимает и его холодея, удивленно приподнимает бровки, глядит ему в лицо светлыми, как лебучью, глазами:

— Я вовсе не замерзаю. А руки холодные — песок разгребал потому что.

Соколов дышит ему на руку, ласково поворачивает его за плечи и ласково подталкивает: — Пойди, сынок, поиграйся возле воды, у большой воды для ребятеньки всегда каньянбульд добыча найдется. Только, гляди, ноги не промочи!

Проводит мальчика глазами, сворачивает самкрутку, закуривает. Глухо кашляет.

— Поначалу жизнь моя была обыкновенная. Сам я уроченец Воронежской губернии, с тысяча девятисотого года рождения. В двенадцатую войну был в Красной Армии, в гниданск Кавказе. В голодный двадцать второй год подал на Кубань, шмачить на кулаков, потому и уцелел...

Он сильно затрягивается. Дымком самосада застилает его лицо, фигуру, весь экран.

Скользя облака. Виную полн созревающей ржи. По полю пробегают легкие тени облаков. Трели жаворонка. Жаворонек взлетает и падает, купается в синеве.

На полевой дороге виднеется одинокая фигура человека. Она приближается. Идет молодой Андрей Соколов в обветшавшем, выгоревшем добела красноармейском обмундировании — буденновка, гимнастерка, галифе, ботинки. За плечами на палке деревянный сундук.

В низине, там, где угадывается ойкайменными ивами рекушка, раскинулось село. На взорные черквы, а дальше опять неоглядное поле. Андрей стоит в селе перед хатой. Крест-накрест заколочены досками окна, разобран плетень, провалилась соломенная крыша. Дверь в хату открыта, из сеней вытарачилась высокая крапива.

Движутся облака. Пронеслись их тени над селом, над пустынной длинной уличей села. По улице шагает Андрей с сундуком за плечами. Глухая крапива вокруг могильного холмика в зарослах цветущей сирени и бузины. Андрей стоит у могилы, сундуком у его ног.

Андрей раскрывает сундучок, достает оттуда топор.

Стук топора. У ног Андрея сложены брус и

Литературный сценарий.
Написан с участием
Ю. Лукина и Ф. Шахматова

перекладина креста. Он обтесывает вторую, нижнюю перекладину. Падают наземь свежие щепки.

Стук топора. Падают наземь свежие щепки. Щепка падает на сундуком Андрея, стоящий у подножия легкой лестницы, прислоненной к стене строящегося дома.

Плотничья артель ставит дом. На верку лестницы Андрей ладит карниз. На него глядит городской подпристник. Среди них — чуть поодаль от других — стоит девушка. Андрей весело оглядывает ее. Нивает ей:

— Это вы что же, принимайте работу пришли? Не для тебя ли, красавица, хоромы строишь? Не твоему папаше дворец-то?

— Нет. Из детства я. Мы — поглядеть.

Улыбка сходит с лица Андрея. Он стучит топором. Потом уже по-другому, внимательно вглядывается в лицо девушки.

Они вдвоем идут по окраине города, вдоль забора. Говорит Андрей:

— И у меня, Ирина, отец с матерью и с сестренкой... — взглянул на девушку, — тебе ровесница была бы... померли. От голода.

Ирина идет, понурив голову.

— Тоня остался один. Родни хоть шаром понати, — нигде, никого, ни одной души. Чудно, что с тобою нас судьба свела: завтра я ведь отсюда ухожу. Не подшла бы к дому — и не встретилась бы...

Ирина, слушая, смотрит ему в глаза:

— А на что я тебе?

— А на всю жизнь.

Голос Соколова: — Со стороны глядеть — не так уж была она из себя видна, но ведь я-то не со стороны на нее глядел, а в упор. И не было для меня краснень и желанней ее, не было на свете и не будет!

Соколов сидит на поваленном плетне, затрягивая самосаодом. Рядом с его тенью — тень собеседника.

— Теперь прошлое — вот как та дальняя степь в дымке. Утром я шел по ней, все было ясно кругом, а отшагал километров двадцать, и вот уже затнудю степь дымкой, и отсюда уже не отличишь лес от бурьяна, пашню от травкоса...

В тесной, но чисто прибранной комнатке стряпает Ирина. Подойдет к окну, всмотрится в темнь, опять принимается за стряпню.

В лютые спит ребенок. Ирина поправляет одеяло. У мальчика широко открыты глаза. Она смотрит на сына. Уронила голову на край люльки, плачет. Ребенок чему-то рад, шевелит руками, улыбается, пускает пузыри.

Скрипя, открывается болтающаяся на петлях, покосившаяся дверь. Входит Андрей. Он пьян.

— Андрюша! — Ирина бросается к нему. — Что ж сегодня так долго-то?

— «Долго», «долго»... — зло обрывает Андрей. — Топором махать — не ухватом в печи ворочать. Было бы долго — успела бы хоть жару подать.

Ирина перекидывает у стола поудобнее габуретку, усаживает Андрея. Ставит перед ним миску щей, отрезает ломоч хлеба. Андрей ест. Он словно не видит ее. Ирина покачивает люльку, смотрит на него.

Андрей встает. Его шатнуло к стене. Ирина поддерживает его.

— А, пошла ты...

Андрей шагает к кровати. Ирина опять подходит к нему, усаживает на кровать, снимает с него пиджак, разувает его. Шелчет: — Ложись к стенке, Андрюша, а то сонный упадешь с кровати.

Он смотрит бессмысленным взглядом ей в лицо, грузно заваливается на бок.

Ребенок спит. Андрей спит. Ирина тихоенько глядит рукою его по голове.

Утро. Ирина подымает Андрея: — Пора, Андрюша. Пора уже...

Он смотрит на нее. Видно, как просыпается и смгачается его взгляд.

Андрей сидит, упираясь в край стола своими большими темными руками. Ирина кладет на стол соленный огурец, наливает в граненый стаканчик водки.

— Похмелье вот. Только больше не надо, мой милый.

Андрей выпивает водку, закусывает огурцом. Подымается.

Берет бутылку и стакан. Встречается глазами с неумысленно-веселым взглядом ребенка. Андрей задумался. Чокается пуст

КНИГА И ФИЛЬМ

ВСТРЕЧАТЬСЯ в кино с героями литературных произведений, к тому же произведений широко известных, невольно испытываешь чувство некоторого опасения. Что принесет такая встреча? Радость или разочарование? Что предостоят увидеть: произведение, как бы начавшееся на экране вторую жизнь, или же тусклый отблеск всеми любимой книги?

Хорошая экранизация — это всегда новое, самостоятельное произведение, которое не просто иллюстрирует повесть или роман, а становится интересным само по себе, обретает в искусстве свою собственную биографию.

Думается, что такими чертами обладает и новый цветной широкоэкранный фильм «Сестры», поставленный режиссером Григорием Рошалем по одноименной книге Алексея Толстого.

Оговоримся сразу: людям, читавшим книгу А. Толстого, многое в фильме, вероятно, покажется не столь выразительным, как в романе. Но для зрителя, еще не знакомого с трилогией «Хождежние по мукам», образы Даши и Кати сделаются близкими именно благодаря фильму. И не только образы Даши и Кати, но и тех, кто связан с сестрами узлами дружбы, родства, любви. Большая тема книги, которую и сам Толстой считал для себя главной, — приход лучших представителей русской интеллигенции через глубокое страдание и борьбу к революции, стала содержанием этого фильма.

Критики, сопоставляя первый роман толстовской трилогии с двумя другими, иногда называли его «семейным». Однако в «Сестрах» нет камерности. Книга все еще дышит предгрозовой атмосферой, ощущением близящегося великого перемен.

Просторное поле широкоэкранный кино в силу этого большого социального, философского и семейного роману с его свободным композиционным построением, чем-то даже напоминающим киномонтаж. И дело тут, конечно не в масштабах широкого экрана, как такового. Помните, после появления первых широкоэкранных фильмов замечательный советский кинорежиссер Александр Петрович Довженко предостерегал от увлечения масштабами, говоря, что даже и широкий экран покажется зрителю узким, если художник не обладает главным — широтой взгляда на мир и достаточной смелостью обобщения явлений жизни.

В этом смысле и хотелось бы пожелать режиссеру Григорию Рошалю и сценаристу Борису Чиркову смелее брать события широким экраном, имея, конечно, в виду не увеличение числа массовых сцен и их участников, а большую глубину в раскрытии социальной и философской темы романа Толстого.

Семейная бытовая линия показана в фильме выразительно, но социальная. Рошаль опытный, искусный кинорежиссер. Он затратил много усилий для того, чтобы правдиво передать на экране быт, обстановку тех лет. Вместе с Чирковым он тонко проследил душевную жизнь героев фильма, и в этом им отлично помогли Р. Нифонтова (Катя) и Н. Веселовская (Даша). Обе исполнительницы главных женских ролей создали лирические мягкие, полные обаяния образы, в которых как будто бы живет сама поэзия книги. Но за сложными личными судьбами людей, которые сбли-

жаются, расходятся, снова сближаются, сталкиваются друг с другом в непримиримом конфликте, мы не всегда отчетливо можем разглядеть те социальные причины, — осязаемые, а чаще неосознаваемые, — которые в конечном счете определяют в романе чувства, мысли и поступки людей.

Томится и тоскует Катя. Бьет ее в петербургском муфте Даша, остро ощущая во всем, даже в личной жизни близких ей людей, гнилые чувства, тлен, обман. Всей душой она тянется к сильному, большому и веселому инженеру Телегину, потому что у Телегина есть свое дело, уверенность в жизни. Но в то же время Даша не так-то легко порвать с фальшивым, мелким, полустереческим мирком. И ее еще не раз будет мучить, как призрак этой жизни, образ опустошенного декадентского поэта Бессонова.

Видны ли в фильме эти скрытые пружины Дашиных сомнений и колебаний? Ощущается ли в сценарии ее чувство социальной подлости, как ощущается он в романе? Мне показалось, что Бессонов (арт. В. Давыдов) смакует на оперно-демонического соблазна, а Телегин (арт. В. Медведев), особенно в начале фильма, — славный юноша, — только и всего! Но еще и потому, что самые отношения Даши, Телегина, Бессонова представлены более упрощенно. В фильме Телегину и Бессонову недостает своей отчетливой внутренней темы, более определенных черт характера.

Не случайно же нам гораздо больше запоминаются муж Катя, самовлюбленный адвокат Смоковников (арт. В. Шарлахов), и внутренне сосредоточенный, всегда собранный Рощин (арт. Н. Гриценко). Тут есть живые человеческие судьбы, есть характеры.

Говоря о главных действующих лицах романа, нельзя не сказать еще об одном — о Петербурге в канун падения старого мира, Петербурге, вступающем на страницы книги со всеми своими кричащими контрастами, а в фильме — несколько статичным и театральным. Когда перед нашими глазами проходили в своем «застывшем озарении» величественные панорамы города, его дворцы и памятники, я пожалел о том, что в этот момент с экрана, сливаясь с выразительной музыкой Дм. Кабалевского, полнее не звучали в дикторской речи превосходные, афористически меткие характеристики Петербурга, которые так щедро рассыпаны по страницам романа Толстого.

Поэтично снял фильм оператор Л. Косматов, отлично передав и эту атмосферу предгрозы — волнения на фронте, забастовки на заводах, и лирику человеческих чувств, и чарующую красоту русских пейзажей, так гармонизирующую с чувствами людей, с их раздумьями о судьбах родины.

Фильм «Сестры» — начало большой кинологии. Вслед за «Сестрами» последуют «Восемнадцатый год» и «Хмурое утро». Героям картины еще предстоит множество испытаний. События революции и гражданской войны еще захватят и вовлекут каждого из них в свой грозный водоворот, разведут по разные стороны баррикады. Чем ярче и полнее авторам кинологии удастся показать судьбы человеческие, как судьбы народные, тем значительнее будет успех их большой, серьезной работы.

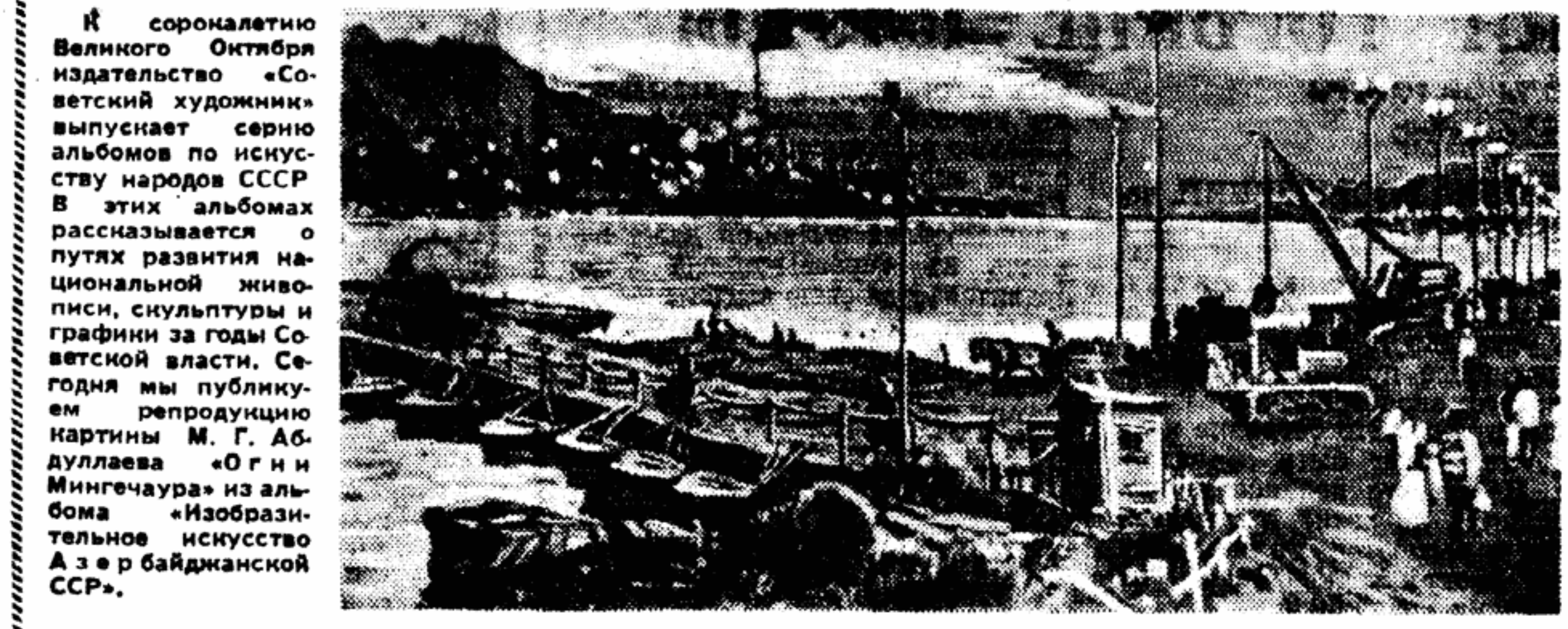
Б. ГАЛАНОВ

Голоз Соколова: Прожил еще десять лет и не заметил, как они прошли. Прошла, как будто во сне. Да что десять лет! Спроси у любого пожилого человека, приметил он, как жизнь прожил? Ни черта он не приметил!

Яркий летний день. Улица воронежской окраины. Издали выделется совсем новенький домик с палисадником. В ворота домика Ирина загоняет двух коз. К домику прислонена лестница. Возле нее стоит Андрей — в брюках, без рубашки, с полотенцем через плечо; две девочки-школьницы. Все, здравствуй, смотрят вверх. На лестнице семнадцатилетний Анатолий, держа в руках баночку с масляной краской, выводит кистью надпись на прибитой к стене досочке:

«Дом А. И. Соколова».

Пока Анатолий пишет, отец оглядывается на

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ

ЧАРЕНЦ — великий поэт... Эпос революции и лирическое раздумье, «прозрачная» судьба пахаря-бедняка и страдание любящего сердца, злободневные впечатления от заграничных поездок и стихи на «вечные» темы о смысле жизни, «традиционные» для большой армянской литературы воспевание сегоднего Арарата, тополи Нанри, старых мастеров камня и слова — и поэтохронки, политические стихотворения, в том числе разрабы сатирические памфлеты против национализма дашнаков. — все это, в эмоционально кипящих, яростно отточенных словах — Чаренц.

Но, кроме многосторонности и самой, прорывающейся в каждой строчке, огромности дарования, Чаренца отличает новаторство тем и образов, содержания и форм, жанров и стиля, новаторство, пламя которого сжигало самого поэта и сильно освещало всю армянскую советскую революционную поэзию. Чаренц стоит в ряду крупнейших поэтов, именами которых по праву гордится армянская литература, Чаренц, кроме того, — новая, советская глава в истории этой литературы...

Егеше Чаренц (Егеше Абагрянц Согомонян) родился в 1897 году, в 1937 году его жизнь оборвалась. Сорок лет! Но по содержанию сделанного эти сорок лет вмещают в себя много, очень много. От юношеских, еще незрелых стихов, противоречивых по мироощущению (реалистические впечатления от убогого, жестоко провинциального Карса, города, где родился поэт, поглотивший в этих стихах абстрактно-романтичными тождествами одинокой, влюбленной в некую «неведомую даль» души) — до чеканных строк Чаренца 30-х годов, поэта, ставшего в первую очередь лучшим, наиболее глубоким и тонким поэтом, — какое это большое, почетное духовное развитие! Недалеко от начала пути — восторженное приветие Октябрьской революции, приобщение к великой правде большевизма, которую Чаренц, солдат Красной Армии, член Коммунистической партии с 1918 года, защищал оружием и которая стала с тех пор душой и правдой его поэтического творчества...

Солнце, красный блеск пожара, очистительный огонь — эти образы наиболее любимы Чаренцем, и они осыплются им как символы нового, свободного мира: огонь революции по-новому переплавляет жизнь.

Вот стихотворение 1919 года, характерное для понимания творчества Чаренца тех лет.

У Ирины от слез распухли губы, волосы выбились из-под платка, взгляд мутный, остана вившийся, как у помешанной. Слышала команда: «По вагонам!» Свисток паровоза. Ирина падает Андрею на грудь, сцепила руки у него на шее, вся дрожит, как подрубленное дерево.

Андрей уговаривает ее: — Возьми же себя в руки, милая моя Ирина! Скажи мне хоть слово на прощанье. Всклинься, она пытается выговорить: — Роденьный мой... Андрюша... не увидимся... мы с тобой... больше... на этом... свете... Не торопясь, как бы лениво, проходит мимо богатырь Крыжнев, ставший в солдатской форме еще крупнее. Его сопровождает в своей обычной одежде выхристый его приятель. Не останавливаясь, Крыжнев кладет руку на плечо Соколова:

— Не робей, Соколик. Гляди орлом. — Идет дальше. Андрей смотрит только на Ирину. Говорит ей: — Слушай! Мне ведь тоже не легко с вами расставаться! Не к тебе на блины собрался. — Он силой разнимает ее руки и, упираясь ей в плечи, отталкивает ее.

Ирина, пятясь, ступает три шага назад — и опять идет к нему мелкими шажками, протягивая руки. Андрей кричит: — Да разве ж время жажки хоронить? Видя, что Ирина не помнит себя, Андрей снова горлопивно обнимает ее, бежит к своему вагону, уже на ходу вскакивает на подножку.

Поезд тихо движется вдоль перрона. Семечкин уже не улыбается. Проводит рукой по застегнутому вороту гимнастерки. На перроне его старуха-мать перебирает концы полушалка. Над высунувшимися из вагона солдатами высятся мочушки плеча и широкие лица Крыжнева. Он машет рукой стоящему на перроне выхристу:

— Дорогого! Ожидайте с победой! У нас на фашиста управа короткая! Там встретимся! — выкрикивает выхристый. Андрей проезжает мимо своих. Дети сбившись в кучку, машут руками, беспомощно стараются улыбаться. Ирина пришла руки к груди, что-то шепчет поблещившим губам, смотрит на Андрей, не мигая, и вся клонится вперед, будто хочет шагнуть против сильного ветра. Анатолий поддерживает ее. Широко раскрытые глаза Ирины полны слез.

Поезд набирает ход. Пролетающие пейзажи завлекаются туманом.

Соколов сидит на плетне, смотрит прямо перед собой. Сухие, словно бы мертвые, потухшие глаза. Большие, безвольно опущенные руки мелко дрожат, дрожат подбородок, дрожат твердые губы... Он пытается свернуть цигарку, но газетка бумага врется, табак сыплется на колени. Наконец, ему все же кое-как удается

сделать крученку. Он несколько раз затягивается. Каким-то огромным усилием воли поборов волнение, вдруг охрипшим, странно изменившимся голосом он говорит: — До самой смерти, до последнего моего часа, помирать буду, а не прощу себе, что тогда ее оттолкнул...

Блиндаж автобуса. Кто из солдат курит, кто прислонился спиной к стенке и, закинув руки за голову, смотрит куда-то перед собой, думая свою думу, кто прислушивается к разговору. Крыжнев чистит винтовку. За его работой наблюдает младший политрук. Семечкин пишет письмо. Андрей дремлет.

Разрыв снаряда. Второй — ближе. Свисток пули настала сыплется струйка песка. Андрей открывает глаза. Семечкин оборачивается к нему со своей доброй улыбкой: — Все-таки удивляюсь я на тебя, Соколов. Получаешь из дому письма часто, а сам отвечаешь через пятое на десятое.

Еще какие будут сообщения? — откликается Андрей. — Будет. Ведь ты ты пишешь-то? Мол, все в порядке, поменьше войном и хотя сейчас отступаем, но скоро соберемся с силами и тогда дадим фрицам прикурнуть... И все дела. — А что еще можно писать? Время такое, что не до писаний. Да и, признаться, не охотник я на жалобных струнах играть и терпеть не могу этихк слоняющих, какие каждый день соли по бумаге размазывают. Трудно, дескать, ему, тяжело, того и гляди, убоют...

— Это разве относится к Семечкину? — спрашивает младший политрук. — Я про тех говорю, кто не хочет понять, что этим разнесчастным бабкам и девушкам не слабе нашего приходится. Вся держава на них оперлась! Какие же это плечи надо иметь, чтобы под такой тяжестью не согнуться? А такой хлюст, мокрая душонка, напишет жалостное письмо — и трудящую женщину, как рюхой под ноги. Нет! На то ты и мужчина, на то ты и солдат, чтобы все вытерпеть, все снести, если к этому нужна позола.

— Да-а... — тает Крыжнев. — Не напишешь, баба ждать не будет. Молодой солдат сидит, сцепив руки на коленях, поджатым к подбородку. — Моя будет, — мечтательно откликается он.

— Дурак, — замечает Крыжнев. Худенький, курносый, очень молодой командир присматривается к Андрею. — Без писем твоих дома скучно, Соколов, — говорит он.

Младший политрук спрашивает Крыжнева: — Ну, как? Надумал? Заявление написал? Крыжнев не отрывается от своего занятия: — Надумал. Работает будет, товарищ младший политрук. Какой же из меня член партии, если я неграмотный.

Андрей пишет о народе: Воспою громко я борьбу твою, твой могучий, огромный труд!

Эти строки спела воля твою, эту песнь твою руку побой! Я — с тобой, я всегда — с тобой! Я пою славу твою. Слушай песен на свете нет!

Сиден я лишь твоей судьбой, я, ничтожный, последний поэт!

Из тем революции и народа в революции закономерно возникает у Чаренца тема партии, тема Ленина, великолепно воплощенная в «Балладе о Владимире Ильиче, мужике и паре сапог», в поэмах «Ленин и Али» и «Дядя Ленин». Ленин у Чаренца — это доброта и ласковость «самого человеческого человека» и историческая величественность вождя.

Ленин — был мозгом нашего класса, душою его. В каждой его частичке — струилась нашего класса кровь.

Перекличка с Маяковским и здесь полна. Но дело вовсе не

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ

Америка! Слышали? ...Вот — страна, а вот — приметы: найдется, как известно, она не той стороне планеты! Огромна планета! Но и сама — гигантская, такая гигантская, что с ума сойдешь от масштабов, прав! И все в стране той — наоборот, ни на что не похожа — все! Ну кто их там разберет! Все! Календарь — тоже! Когда суббота здесь — там — то-ч-а-точ-а, верте, уж воскресенья! Когда над нами поздняя ночь, там — утреннее веселье. Но все это — мелочи, как говорят! И разговор не об этом. Я обращаю свой мысленный взгляд

к совсем иным приметам. Бросится в голову кровь у вас и помутятся мысли, когда повернется мой рассказ к общественной жизни. Читали, слышали про тот край, что у заморского берега?.. «Америка!» «Демократия!»

«Яр — в мюзин-холле, в банке... во сне! — везде президентом этот простяга, ерхидемократ, рожденный в казне, под сенью многогодового долларозового стига. Архидемократ — хлопнет вас по плечу, щедро обласкает улыбой юной. (А мы? О, если б даже пришли к Ильичу, угодился бы... строящийся коммуной?)» «Мистер Доллар — президент» — он в Штатах общепризнан.

«Он хотя и президент, но добр, как дитя, и краток тот мистгр, и прост неизменно. Если вы миллиардер, то, и на небо взлетя, вам не встретит подобного дженгилмена! О, мистер Доллар! Он, например, очень любит с людьми беседовать, не признавая ни каций, ни вер, называя в одежде и лица.

Все люди, конечно, — ему сродни, все люди равны ему в этом плане! Все бесконечно — любимы они... если миллиард имеют в кармане.

«Если вы миллиардер, — высок ваш полет: с вами мистер Доллар, прославивший деньги! С душою прекрасной — он романы поет, этаким очаровательным денди в Америке —

Михаила ВЕРШИНИНА. (На русском языке публикуется впервые с небольшими сокращениями.)

«Мистер Доллар — восторг президент» — мистгр президент Америки.

«Все что угодно выльжет он, одним, говорят, гнушается... империализмом! Скажете, что я ненормален? А к чему империализм этакому архидемократу — равному другу хижин и дворцовых спален, готовому на все... разумеется, за солидную плату!

«Помните? Именно сей президент 14 пунктов предьявил в Версале... И между прочим пришел момент: их там приняли и подписали. Вы не довольны мистером? Да!

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

«Я утверждаю — твердо, как в документе: в государстве Советов — страна трудя — места нет такому денди! 1924 г.

Историческая энциклопедия

Группа видных советских ученых Москвы внесла в Академию наук СССР предложение о создании исторической энциклопедии. 26 сентября на общем собрании отделения исторических наук обсуждены вопросы, связанные с подготовкой этого издания, представляющего больш...

Юбилейные плакаты, альбомы

ГОРЯЧЕ дни сейчас и по лириграфистов великой исторической стране — Калининского полк... (Текст о юбилейных плакатах и альбомы, посвященных революции и войне.)

АНГЛИЯ ПОЖИНАЕТ ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ

А. БЕЛЬСКАЯ

«ТИХИЙ СЕЗОН» ОКОНЧЕН...
«ТИХИЙ СЕЗОН» — таким считается в Англии лето и начало осени, когда парламент распущен на каникулы и политические деятели отдыхают в своих загородных виллах, — закончился в этом году неожиданно бурно. Газетные заголовки кричат о «финансовом кризисе», «чрезвычайных мерах» правительства.

19 сентября министр финансов Питер Торнирофт сообщил, что Англия повышает свою банковскую учетную ставку с 5 до 7 процентов, то есть до наивысшего уровня за последние тридцать лет. Один из крупнейших английских промышленников Берресфорд назвал это мероприятие «взрывом, который потрясет Сити». И действительно, лондонская биржа бурно реагировала на это новое свидетельство шаткости английской экономики: акции ценных бумаг резко понизились в цене.

В переводе с финансового на общепонятный язык повышение учетных ставок означает, что Англия будет вынуждена брать не столько высокие проценты за предоставляемые им кредиты, что неизбежно вызовет сокращение капиталовложений в промышленность. В особенно тяжелом положении окажутся мелкие и средние промышленники и все отрасли промышленности, которые не получают государственных субсидий.

Не трудно понять, что прямым следствием этой меры будет сокращение объема производства отраслей промышленности, работающих на мирные нужды: военные заводы не только принадлежат, как правило, крупным монополистам, способным платить за кредит высокие проценты, но и получают государственные субсидии. Неизбежно уменьшится занятость рабочих, вырастет безработица. Сокращение экспорта товаров за границу неблагоприятно отразится на торговом балансе и ухудшит экономическое положение страны. С этим непосредственно связаны и рост цен на потребительские товары, повышение платы за все виды услуг, сокращение ассигнований на строительство жилищ, школ, больниц, — все тот же порочный круг экономических трудностей...

Официальная версия гласит, что «чрезвычайные меры», за которыми последуют другие, еще более жесткие, обусловлены твердым решением правительства избежать инфляции и спасти фунт стерлингов от угрозы девальвации, которая была бы третьей после 1931 и 1949 годов. Фунт стерлингов — это «валюта валют», как ее любовно называют воротилы лондонского Сити, — обесценивается из-за роста цен в Англии, истощения золотых и долларовых запасов.

Но поможет ли «чрезвычайная мера» спасти фунт? В различных кругах Англии к этому относятся довольно скептически. «Файнэнш таймс» считает, что «это мероприятие — наихудшее, что могло бы случиться с точки зрения международной торговли».

СТРАНА ПАРАДОКСОВ

ТАК ВСЕ ЧАЩЕ иронично называют Англию, ту самую Англию, которая в свое время завоевала репутацию солидности, добротности и благодушия. О парадоксальности, нереальности английской политики говорят теперь не только среди лейбористов, но и в кругу трезво мыслящих консерваторов.

В этой оценке много справедливого. Правительство намеревается сократить свои расходы на 350 миллионов фунтов стерлингов. Но за счет чего это будет сделано? Каазало бы, в первую очередь следует изъять экономикой страны от непосильного груза военных расходов, сократить ассигнования на эти нужды. Это наверняка улучшило бы экономическое положение Англии.

Однако английская буржуазная печать торопится сообщить, что ни производство ядерных бомб, ни расходы на строительство бомбардировщиков не будут уменьшены. Наоборот, речь идет, судя по всему, о новом увеличении военных ассигнований.

Именно сейчас, когда страна испытывает такие тяжелые экономические затруднения, министр обороны Данкен Сэндис возводит о широчайшей программе новых военных мероприятий. Предлагается создать новую систему военных баз Англии на Ближнем Востоке, в Африке и на Дальнем Востоке. Сэндис совершил инспекционные поездки на выбор опорных пунктов и определил того, как лучше следует переместить центр тяжести британской обороны. Это, естествен-

но, потребует дополнительных и немалых расходов. Но, что самое главное, намечена широкая программа гонки ядерных вооружений, как известно, наиболее дорогостоящая.

В полном соответствии с политической «позицией» английская реакционная печать преподносит теперь водородную бомбу как средство сохранения величия Британской империи. Этим оправдывают нежелание согласиться на прекращение испытаний термоядерного оружия. Если Англия будет обладать своим собственным водородным бомбом, баллистическими снарядами и другими видами атомного оружия, уверяют сторонники гонки ядерных вооружений, — то она сохранит положение мировой великой державы. Данкен Сэндис призывает к накоплению ядерных бомб, к созданию запасов расщепляющихся материалов, прикрывая все это криками о мифической «советской угрозе».

Нет, парадоксальность, пожалуй, слишком мягкое слово для характеристики путей английской политики. Член парламента лейборист Коли Биллиакс в своей брошюре «Восстание против безумия» более точен. «Политика с позиции силы в наши дни, — говорит он, — это преступное, самобуйственное безумие».

С БОЛЬНОЙ ГОЛОВОЙ НА ЗДОРОВУЮ

ГОЛКА ВООРУЖЕНИИ, непосильные военные расходы, связанные с атлантическими обязательствами Англии, судорожные попытки восстановить утраченную мощь — таковы истинные причины катастрофического экономического положения страны. Это очевидно каждому, кто хочет быть объективным. Но те, кто повинен в происходящем, не хотят признаться в этом и пытаются свалить вину за все экономические беды... на английских трудящихся.

Известно, что ценой тяжелых и упорных забастовок (стачечное движение достигло в Англии в этом году небывалого с 1926 года размаха) английские рабочие добились небольшого повышения заработной платы, которое, однако, никак не поспевает за ростом цен на товары первой необходимости. Дополнительные затраты на выплату заработной платы ничтожны — они напая на море по сравнению с гигантскими военными расходами.

И все же предприниматели кричат, что в неустойчивости фунта sterling'а будто бы повинны рабочие, но время потребовало повышения заработной платы. Консервативная

часть с готовностью подхватывает эту версию и грозит теперь, что никаких разговоров о заработной плате впредь вести не будет. Британская конфедерация предпринимателей пытается даже извлечь из «чрезвычайных мер» правительства свою выгоду: в специальном заявлении, опубликованном в связи с повышением банковских учетных ставок, говорится, что безработица, которая может возникнуть, «будет стимулировать производительность труда». «Теперь мы будем хозяевами положения, и не работа будет искать людей, а люди работу», — рассуждают промышленники. Однако мощный размах забастовочного движения, итоги недавнего конгресса британских трудящихся в Блентуле говорят о росте классового сознания рабочих. Сейчас, в дни подготовки к ежегодному конгрессу лейбористской партии, в адрес руководства поступают тысячи резолюций, где рабочие выражают решимость отстаивать свои права, бороться против гонки вооружений, против милитаризации Западной Германии, требовать запрещения испытаний ядерного оружия.

Продолжение губительной, антинациональной политики не может принести Англии ничего иного, кроме новых потрясений.

Вот она, их демократия!

На это фото нельзя смотреть без содрогания. Снимок сделан в Литл-Роке — американском городе в штате Арканзас. Еще совсем недавно мало кто знал о существовании этого города. Теперь о нем с возмущением и омерзением говорит весь мир. Отныне Литл-Рок — символ американского расизма, еще одно позорное несмываемое клеймо на и без того запятанной политической репутации капиталистической Америки.

Там разъяренные толпы расистов окружили школу, чтобы не пустить в нее чернокожих школьников. Там губернатор Фобус двинул на помощь хулиганам части национальной гвардии и полиция. Сейчас правительство приказало солдатам 101-й авиадесантной дивизии навести порядок в городе. Но эта двойная игра не может никого обмануть. Правители Америки просто-напросто хотят прикрыть свой позор перед миром. Соединенные Штаты по-прежнему остаются страной расовых извержений, Линча и ку-клукс-клана.

На этом снимке запечатлен момент, когда собравшиеся у школы хулиганы избивают журналиста-негра Алекса Уилсона. Он хотел заступиться за негритянских ребят, которых расисты камнями отгоняли от школы. Благородный порыв обошелся ему дорого...

Литл-Рок значит по-английски «маленькая скала». Но на эту скалу наскочил и прополз себе динше корабль американской пропаганды. Проблону не залатать ничем! Вы говорите, господа, об американском образе жизни? Знаем — Литл-Рок! Равноправие? Выдели — Литл-Рок! Цивилизация, демократия? Оставьте, господа, — Литл-Рок! Снимок из французской газеты «Франс-суар» от 25 сентября 1957 г.

Вот она, их демократия! Как могут произойти подобные перемены в мыслях там, где нет событий, связанных с событиями, происходящими у нас. Невозможно изменить свой воззрения лишь путем дискуссии, оставаясь в академической атмосфере. Но когда происходят такие события, почти невозможно не переменить. Хотя некоторые из нас — весьма немногие — так и не переменялись.

В то время как люди, подобные Цинню и Ляну, проповедуют и претворяют в жизнь свои новые взгляды, не испытывая никаких внутренних или внешних конфликтов, другие, все еще не переменявшие своих воззрений, — буржуазные правые элементы в любой области: и в деревне, и в правительственной сфере, — подвергаются пересортировке в ходе кампании по «упорядочению». В каждой газете половина материала, а то и больше, состоит из отчетов о собраниях по «упорядочению» — неофициальных встречах за чашкой чая, во время которых правым предоставляется возможность исправить свои прошлые ошибки, открыто признав их перед лицом своих коллег. Согласно новой, социалистической морали, только в результате такого рода самоочищения, а не в результате старых форм «наказания» будет признано, что они не представляют собой опасности для общества.

Собрания продолжают до тех пор, пока допускающие ошибки не признают и не осознают их. Особенно широко пресса освещала дело Чжан Най-ци, а также Чжан Бо-цзюня и Ло Лу-ци — лидеров Демократической лиги. Во время каждого из шести таких «упорядоченных» для Ло Лу-ци, после очных ставок со свидетелями, исплывали все новые подробности его поступка, «выпавшие у него из памяти». В начале августа члены лиги, в которую состоял Ло, все еще называли его лгуном и лицемером. Ло признавал, что после освобождения страны он протестовал заимствованную от его американских друзей идею, а именно, даже став фактической «короной США» и получая доллары из Вашингтона, Китай был лучше обеспечен материально, чем являлся членом социалистического лагеря. Он утверждал, что «любит родину», но поскольку Ло Лу-ци делал явные, но тщетные попытки скрыть факты, надеясь, что они не будут обнаружены, никто ему не поверил. На седьмом собрании в качестве свидетелей выступили два бывших слуги Ло, которые заявили, что он обманывал с ними почти «как с рабами».

Китайцы считают, что этот метод «упорядочения» — единственная основа здорового социалистического общества. Каждый должен видеть свою жизнь и свои мысли такими, какие они есть на самом деле, и перестать обманывать себя и своих товарищей. Они полагают, что в конце концов все должны подчиниться требованию быть честными. Быть честными — это все, что они требуют от самых «закоренелых правых», и терпению их, как нет предела. То, что они сейчас проводят кампанию по «упорядочению», свидетельствует как об их силе, так и о реалистическом подходе. Нужно отделить действительных контрреволюционеров от колеблющихся и сомневающийся, упорство которых (ведь прошло еще так мало лет!) встречается с сочувственным пониманием. Народ и партия постоянно напоминаются о пользе резкой критики, как «учителя» руководителей, которые без нее стали бы бюрократами.

Социализм, писала газета «Женминь-жао» в своей большой редакционной статье о кампании по «упорядочению», может победить только при условии, если «мы положим конец отставанию нашей страны как в области экономики, так и в области культуры». Это — работа для честных людей. Напоминание о страданиях народа под «империалистическим господством», орган коммунистической партии подчеркнул, что для Китая нет третьего пути. Можно либо вернуться к прошлому, либо «идти вперед к социализму».

За этот путь Цинь и Лян голосуют обеими руками, — как далеко это от Канга и Рассела!

ПЕКИН, сентябрь.

ОНИ НАШЛИ СВОЙ ПУТЬ

«В 1945 ГОДУ, — сказал мне 63-летний профессор философии Цинь Юй-лин, один из моих коллег, перед которым я разглагольствовал о «свободе», — во всем Китае лишь 10 тысяч семей могли, подобно мне, вести приятную, интересную жизнь».

57-летний архитектор города Пекина, профессор архитектуры Лян Сы-чэн вступил в разговор: «С некоторым запозданием и мне растолковали, что 700 крестьянам, чтобы заработать сумму, равную профессорскому жалованью, приходится работать в течение месяца. Получалось, что 50 лет я жил за счет эксплуатации. Так началось чистка наших мозгов — процесс, который продолжался много лет». Старые друзья рассмеялись.

Если бы не поразительная скромность этих людей, то маленький смуглый архитектор и высокий седовласый философ сошли бы за типичных утонченных, воспитанных в духе конфуцианского Китая интеллигентов. Оба провели свои долгие юношеские годы, неторопливо черпая знания у источников академической премудрости на Западе. Так, выпускник Колумбийского университета Цинь учился в США 14 лет. С самого рождения ни тот, ни другой не испытывали ни в чем недостатка. Оба были патриотами Китая (в годы их юности речь шла не больше, ни меньше, как о раздвигании Китая между иностранными державами) и идеалистами в философском смысле. Цинь специализировался по Канту, Гегелю и Бертрауну Расселу, о философии которых он и сейчас читает лекции. В тридцатые годы они переселились в глубь страны, чтобы продолжить свою преподавательскую деятельность вне пределов досягаемости японских оккупантов.

Совсем недавно, оставаясь членами Демократической лиги (партии, представляющей интеллигенцию и людей буржуазного происхождения), они сошли себе достойными вступить в члены коммунистической партии. Каким образом, спросила я, совершился этот запоздалый переход от культуры «чистой» свободы к марксистскому материализму? Их ответы помогли мне лучше понять, какую цель преследует ведущаясь ныне кампания за «упорядочение стилей» и что она стремится привить всем слоям общества в новом Китае.

Лян был одним из тех архитекторов, которые «заботятся лишь о внешнем виде, а не о внутреннем содержании». Мечтая о красивом планировании в масштабах целого города, он пришел к мысли о том, что это можно совершить только при социализме, но социализм, по его мнению, означал, что «ваша труба и мой чайник станут общественной собственностью». В то время как падежная гоминдановская стала неизбежной, «мы пассивно ждали того момента, когда нам начнут прочищать мозги». «Скорее всего, — оставил Цинь, — чистка мозгов началась прежде, чем мы об этом догадались». Лян утвердительно кивнул.

Дополняя друг друга, они рассказали мне следующие «Толчок этому процессу дали сами события, свидетелями и участниками которых мы являлись. Когда гоминдановские войска начали обстреливать приближающуюся Народно-освободительную армию из артиллерийских орудий, находившихся на территории университета в пригороде Пекина, коммунисты, боясь повредить здание университета, не стали открывать ответный огонь. Через два дня наша служанка, — рассказывал Цинь, — прибежала к нам в страшном волнении. Отворив дверь своего дома, она увидела, что улица полна расположенных на отдах солдат Народно-освободительной армии, — а ночью след не заложила ни одна собака! Был мороз, служанка пригласила солдат войти и выпить горячей воды, но они отказались. В конце концов она вынесла воду на улицу и настояла на том, чтобы солдаты напился. Напившись, они поблагодарили ее. Весь день служанка повторяла: «Таких солдат я еще никогда не видела!»

На следующий день мимо университета, весело насматываясь, прошел солдат с тяжелой корзиной в руках. Корзину эту, как объяснил солдат, он нес живущему в двух милях отсюда крестьянину, который дал ее

Сергей БЕЛФРЕДЖ

взаимы. Незадолго до этого гоминдановский полковник, квартировавший в доме одной женщины по соседству от нас, уезжал с собой все ее имущество. Контраст был разительный».

«Так как в городе расположились гоминдановские войска, коммунисты должны были подвергнуть его обстрелу. Однако, по их просьбе, я, Лян, в течение пяти дней приготовил список всех исторических зданий Пекина и нанес их на карту с тем, чтобы можно было избежать их разрушения. Гоминдановцы сдали город. Ну разве когда-нибудь раньше были такие солдаты?»

«Подобные события, произошедшие на нас неизгладимое впечатление, происходили одно за другим. В противоположность Германии (там я, Цинь, побывал после первой мировой войны), где на борьбу с инфляцией ушли целые годы, инфляция в Китае была ликвидирована быстро. Сооружение железной дороги, которая «строялась» в течение 40 лет, причем расходы были огромными, а результатов почти никаких, — было закончено при новом режиме за два года. И еще «чудо»: первый поезд прошел по первому мосту через Янцзы».

В прошлом году мы, группа специалистов, многие месяцы разрабатывали план материального, духовного и культурного преобразования Китая в ближайшие 12 лет. Невиданный культурный подъем привел к тому, что расцветшее искусство национальных меньшинств стало всеобщим достоянием, а мы даже и не подозревали о его существовании!»

«В таких условиях, — сказал Лян, — хочется ты этого или не хочешь, могли твои неизбегно очищаться. После освобождения я занимался вопросами реконструкции Пекина. За первый же год мы убрали 349 тысяч тонн мусора, который накопился со времен Минской династии. В течение 18 месяцев было собрано 610 тысяч тонн экскрементов и отправлено на поля. Я стал питать уважение к коммунистам, но считал, что у них есть огромный пробел: они не разбирались в архитектуре. Какой позор! Архитектура целиком и полностью была поручена мне, и в течение некоторого времени я пытался сделать новый Пекин таким же живописным, как старый, — с крышами, крытыми желтой и зеленой глазурью черепицей, и т. д. Партия дала понять, что нам это не по средствам, но я стоял на своем. Годы через два, когда глазурованная черепица и орнаменты украшали даже автобусные станции в других городах страны (по пекинскому образцу, созданному мной), я понял, что на мне лежит ответственность за разоблачение столь необходимых средств. В результате ряда обсуждений, во время которых я мог говорить все, что хотел, партия убедилась в том, что я совершенно неправильно подошел к первоначальной стадии реконструкции.

Теперь я всей душой за коммунизм, за партию. Если я и отклоняюсь от марксизма, значит, я ошибаюсь. Сознывая свои ошибки, я извещаю... только от своих ошибок».

«Все дело в том, — сказал философ Цинь, — что мы теперь понимаем: не мысли людей производят изменения в мире вещей, а жизнь и опыт меняют наши мысли».

Я выразил сожаление по поводу того, что они не могут повести историю реверота в их мировоззрении тем мыслящим людям Запада, которые упорно не хотят расстаться с идеализмом, особенно Бертрауну Расселу, выступающему вместе с тем в пользу существования, против несправедливости капиталистического строя.

«Что касается Рассела, — сказал Цинь, — надо отдать должное смелости его убеждений, но в конце концов он может позволить себе то, что не могут зачастую сделать другие. Я присутствовал на ряде международных конференций и убедился, что часто две стороны, употребляя одни и те же слова, вкладывают в них разный смысл. Вот в чем трудность. Но так или иначе, трудно предста-

вить, как могут произойти подобные перемены в мыслях там, где нет событий, связанных с событиями, происходящими у нас. Невозможно изменить свой воззрения лишь путем дискуссии, оставаясь в академической атмосфере. Но когда происходят такие события, почти невозможно не переменить. Хотя некоторые из нас — весьма немногие — так и не переменялись.

В то время как люди, подобные Цинню и Ляну, проповедуют и претворяют в жизнь свои новые взгляды, не испытывая никаких внутренних или внешних конфликтов, другие, все еще не переменявшие своих воззрений, — буржуазные правые элементы в любой области: и в деревне, и в правительственной сфере, — подвергаются пересортировке в ходе кампании по «упорядочению». В каждой газете половина материала, а то и больше, состоит из отчетов о собраниях по «упорядочению» — неофициальных встречах за чашкой чая, во время которых правым предоставляется возможность исправить свои прошлые ошибки, открыто признав их перед лицом своих коллег. Согласно новой, социалистической морали, только в результате такого рода самоочищения, а не в результате старых форм «наказания» будет признано, что они не представляют собой опасности для общества.

Собрания продолжают до тех пор, пока допускающие ошибки не признают и не осознают их. Особенно широко пресса освещала дело Чжан Най-ци, а также Чжан Бо-цзюня и Ло Лу-ци — лидеров Демократической лиги. Во время каждого из шести таких «упорядоченных» для Ло Лу-ци, после очных ставок со свидетелями, исплывали все новые подробности его поступка, «выпавшие у него из памяти». В начале августа члены лиги, в которую состоял Ло, все еще называли его лгуном и лицемером. Ло признавал, что после освобождения страны он протестовал заимствованную от его американских друзей идею, а именно, даже став фактической «короной США» и получая доллары из Вашингтона, Китай был лучше обеспечен материально, чем являлся членом социалистического лагеря. Он утверждал, что «любит родину», но поскольку Ло Лу-ци делал явные, но тщетные попытки скрыть факты, надеясь, что они не будут обнаружены, никто ему не поверил. На седьмом собрании в качестве свидетелей выступили два бывших слуги Ло, которые заявили, что он обманывал с ними почти «как с рабами».

Китайцы считают, что этот метод «упорядочения» — единственная основа здорового социалистического общества. Каждый должен видеть свою жизнь и свои мысли такими, какие они есть на самом деле, и перестать обманывать себя и своих товарищей. Они полагают, что в конце концов все должны подчиниться требованию быть честными. Быть честными — это все, что они требуют от самых «закоренелых правых», и терпению их, как нет предела. То, что они сейчас проводят кампанию по «упорядочению», свидетельствует как об их силе, так и о реалистическом подходе. Нужно отделить действительных контрреволюционеров от колеблющихся и сомневающийся, упорство которых (ведь прошло еще так мало лет!) встречается с сочувственным пониманием. Народ и партия постоянно напоминаются о пользе резкой критики, как «учителя» руководителей, которые без нее стали бы бюрократами.

Социализм, писала газета «Женминь-жао» в своей большой редакционной статье о кампании по «упорядочению», может победить только при условии, если «мы положим конец отставанию нашей страны как в области экономики, так и в области культуры». Это — работа для честных людей. Напоминание о страданиях народа под «империалистическим господством», орган коммунистической партии подчеркнул, что для Китая нет третьего пути. Можно либо вернуться к прошлому, либо «идти вперед к социализму».

За этот путь Цинь и Лян голосуют обеими руками, — как далеко это от Канга и Рассела!

ПЕКИН, сентябрь.

КИТАЙСКАЯ КНИГА „ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“

Ни в одной стране мира не переводится столько книг с китайского языка, как в нашей стране. Да — Этот год был неслыханно богат на все другие годы.

Мягкие, интимные интонации отливает стиха Ша Оу и Гун Лю, остихают дыхание моря и дурное свежее ветра в Китае Ван Юэ-цзи «стихи с поберезья». Интересная публикация «Из китайской классической поэзии» дает нам прекрасное представление о поэзии, творивших более тысячи лет назад.

Своеобразная, богатая китайская поэзия, имеющая древнейшие традиции, привлекает глубиную выразительность, тонкой передачей человеческих чувств, умением откликнуться на все важнейшие события в жизни народа. Она как бы следует примеру Тао Юань-мина, поэта, отделившего от нас пятнадцать веками, который писал:

Я поставил свой дом в самой гуще людских жилищ... В гуще людских жилищ, в гуще жизни народной находятся ныне многие китайские писатели. Об этом свидетельствует и ряд новых публикаций «Мы сами любим». Эта книга

открывает для наших читателей новый мир, ранее почти не знакомый им. В ней, в «Книге любви» развертывается в Тибете, на астаганах, где живет и работает группа китайцев, посланных коммунистической партией. Перед ними стоит задача: преодолеть вековую отсталость местных крестьян, научить их хозяйствовать. Автор увлекательно строит свое повествование, его книга читается с большим интересом. Этому способствуют не только своеобразные атмосферы романа, трудность и необычность условий, в которых работают герои Сюй Хун-цзи и уйгурский поэт Баллам Петров и французский писатель Веркор, румынский академик Михай Венюк и чешский художник Адольф Гофмейстер дружно пишут о том, что им привлекло увидеть в Китае. Эти свидетельства — лучшие доказательства огромных успехов Нового Китая во всех областях культурной и экономической жизни.

Сентябрьская книга журнала «Иностранная литература» — хороший подарок советскому читателю, любящим литературу и искусство братского китайского народа.

ности Лу Синя, театральное обозрение Ли Чао, статьи о кино и о живописи.

Особое место занимают в сентябрьском номере «Иностранной литературы» высказывания многих видных зарубежных писателей и общественных деятелей о новом Китае, заметки о книгах, вышедших в различных странах мира и посвященных Китаю. Народно-Республиканские, это книги — слово, дружеские руки, протолкнутые китайским труженикам из дальних уголков нашей планеты, болгарский поэт Баллам Петров и французский писатель Веркор, румынский академик Михай Венюк и чешский художник Адольф Гофмейстер дружно пишут о том, что им привлекло увидеть в Китае. Эти свидетельства — лучшие доказательства огромных успехов Нового Китая во всех областях культурной и экономической жизни.

Сентябрьская книга журнала «Иностранная литература» — хороший подарок советскому читателю, любящим литературу и искусство братского китайского народа.

ПРЕЖДЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ЭФИОПИИ

Эфиоп с к у ю авиацию, американец Чарльз ван Флит служил... а впрочем, не долгие времена. О старой его должности можно сказать и ниже.

Короче говоря, Чарльз погнался за длинным долларом, и это благородное занятие привело его в Эфиопию, где он стал капитаном авантюриной компании «Эфиопиан Эйрлайнс». Доллары капали исправно, и жизнь как будто улыбалась ван Флиту. Но счастье никогда не бывает полным. Некое обстоятельство доставляло ван Флиту ужасные душевные муки: ходят кругом слухи, что требования Беша и весь суд «были спровоцированы эфиопскими коммунистами для того, чтобы нанести ущерб американо-эфиопским отношениям».

Следовательно, когда ван Флит дубасил Абебе Беша, он улучшал отношения между двумя странами, а вот когда его притянули к ответу, то тем самым отношениям нанесил ущерб!

Эфиопских судей не пропал ни метод сканса, ни полицейская логика. Злопачуха словесная струя просвистела мимо цели. Чарльз ван Флита приговорили к уплате штрафа и возмещению жалования Абебе Беша.

Но он будет жаловаться, он этого дела так не оставит! В этом можете не сомневаться. Он призовет на помощь сенатора Ноуланда, с коим состоит в дружеской переписке, поднимет на ноги газеты, в которые уже лавинообразно расползлись антиэфиопские статьи. Впрочем, все это не поможет. Эфиопия — не Литл-Рок.

Читаешь о многообразной деятельности капитана Чарльз ван Флита и вдруг ловишь себя на мысли, что он очень кого-то напоминает. Но кого? Ну, конечно! Он напоминает... американскую политику в целом. Да-да! Если бы в США наряду с конкурсом красоты на звание «мисс Америка» рисковали бы провести состязание на титул «мисс американская внешняя политика», Чарльз ван Флит имел бы серьезные шансы запечатлеть лавры победителя.

В самом деле, разве не воплотил он в себе все ее характернейшие типичные черты? Он нечестен, корыстен, сыскаса относится к другим народам, действует «с позиции силы», а когда жертва, вместо того чтобы смиренно размазывать слезы и кровь, дает отпор, он начинает вопить о «коммунистическом заговоре». Но этот трюк удается все реже, грубиян и насильник боится все меньше и все чаще притягивают к ответу.

И в этом, пожалуй, самый важный пункт сходства между поведением ван Флита и американской внешней политикой!

М. ВИЛЕНСКИЙ

Президиум Московского отделения Союза писателей СССР с глубоким прискорбием извещает о смерти писателя, члена Союза писателей СССР Марии Аркадьевны ЗЕЛЬДОВИЧ и выражает соболезнование семье покойной.

СЕНТЯБРСКИЙ номер журнала «Иностранная литература» посвящен литературе и искусству Китая. Неизбежно богатство китайской древней и современной культуры.